

RU

О выдающемся деятеле русской культуры.

Беседа О. А. Шубиной с А. И. Демченко,

Е. А. Сапоговой и И. Л. Егоровой.

К 115-летию со дня рождения Л. Л. Христиансена

Шубина О. А.

Аннотация. Беседа приурочена к 115-летию со дня рождения выдающегося отечественного музыковеда, педагога, общественного деятеля, кандидата искусствоведения, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, профессора Льва Львовича Христиансена и посвящена ключевым моментам его жизненной судьбы, вкладу в теорию и практику народного музыкального творчества. Участниками беседы выступили доктор искусствоведения, профессор Саратовской консерватории, главный научный сотрудник и руководитель Международного Центра комплексных художественных исследований, заслуженный деятель искусств России Александр Иванович Демченко, певица, сказительница, педагог, народная артистка России, профессор Саратовской консерватории Елена Андреевна Сапогова и кандидат искусствоведения, профессор Саратовской консерватории, руководитель фольклорных ансамблей «Родник» и «Благодать» Ирина Львовна Егорова. Беседу вела Ольга Анатольевна Шубина, кандидат искусствоведения, доцент кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской консерватории.

EN

On an outstanding figure of Russian culture.

Conversation between O. A. Shubina with A. I. Demchenko,

E. A. Sapogova, and I. L. Egorova.

Dedicated to the 115th anniversary of the birth of L. L. Khristiansen

O. A. Shubina

Abstract. The conversation is timed to coincide with the 115th anniversary of the birth of the outstanding Russian musicologist, teacher, public figure, Candidate of Art History, Honored Art Worker of the Russian Federation, Professor Lev Lvovich Khristiansen, and is dedicated to key moments in his life's journey, and his contribution to the theory and practice of folk musical creativity. The participants in the conversation were Alexander Ivanovich Demchenko, Doctor of Art History, Professor of the Saratov Conservatoire, Chief Researcher and Head of the International Center of Complex Artistic Research, Honored Art Worker of Russia; Elena Andreevna Sapogova, singer, storyteller, teacher, People's Artist of Russia, Professor of the Saratov Conservatoire; and Irina Lvovna Egorova, Candidate of Art History, Professor of the Saratov Conservatoire, head of the folklore ensembles "Rodnik" and "Blagodat". The conversation was led by Olga Anatolevna Shubina, Candidate of Art History, Associate Professor of the Department of Folk Singing and Ethnomusicology of the Saratov Conservatoire.

О. А. Шубина. В нынешнем году исполняется 115 лет со дня рождения выдающегося отечественного музыковеда, педагога, общественного деятеля, кандидата искусствоведения, заслуженного деятеля искусств РФ, профессора **Льва Львовича Христиансена** (1910-1985), который внёс весомый вклад в развитие музыкальной культуры России, особенно в области фольклористики. Поскольку его жизненный и творческий путь был связан в основном с Саратовским краем и Саратовской консерваторией, показалось наиболее плодотворным встретиться с теми, кто близко знал Л. Л. Христиансена. Это доктор искусствоведения, профессор Саратовской

консерватории, главный научный сотрудник и руководитель Международного Центра комплексных художественных исследований, заслуженный деятель искусств России **Александр Иванович Демченко**, певица, сказительница, педагог, народная артистка России, профессор Саратовской консерватории **Елена Андреевна Сапогова** и кандидат искусствоведения, профессор Саратовской консерватории, руководитель фольклорных ансамблей «Родник» и «Благодать» **Ирина Львовна Егорова**.

Л. Л. Христиансен, 1978 г. Архив семьи Л. Л. Христиансена

О. А. Шубина. Александр Иванович, Вы многократно встречались со Львом Львовичем, писали о его жизненном пути и творческой деятельности.

А. И. Демченко. Лев Львович Христиансен – коренной уроженец нашего края, и так сложилось в силу особых служебных обязанностей отца, что семья, в детские годы Льва Львовича, перемещалась по многим районам Саратовской губернии, вплоть даже до немецких колоний-поселений, которые тогда ещё существовали в правобережье Волги как Автономная республика немцев Поволжья. В частности, Христиансены довольно долго задержались в колонии имени Бартули Бальцера (ныне город Красноармейск Саратовской области, у реки Голый Карамыш). Говорю об этом со слов Льва Львовича и вспоминаю то, что он замечательно толковал о фольклоре немцев Поволжья, который он тогда постигал, ещё не зная того, что будет заниматься этим родом деятельности.

Когда они по области переезжали из района в район (это были частые переезды), он, будучи мальчиком, естественно слышал народные песни, звучавшие в нашей волжской глубинке, – русские, украинские, немецкие и др. Особенно ему запомнились русские песни, что, конечно же, наложило на него определённое воздействие. Как мальчик из интеллигентной семьи, он знал народные песни, дома их пели и слушали на грампластинках – тех самых грампластинках, на одной стороне которых можно было записать лишь одну песню. И вдруг он попадает в эту просторечную среду и удивляется свободе, с какой эти полугородские-полукрестьянские дети и взрослые относятся к тому, что мы называем нашим фольклорным наследием. Для него это было каким-то очень сильным явственным знаком.

Напомню себе и вам его дальнейшую судьбу. Для Саратовской консерватории было такое неблагоприятное время, когда в середине 20-х годов прошлого столетия её преобразовали в музыкальный техникум. И Лев Львович как раз в него поступил и закончил, а после его окончания стал заведующим отдела народных инструментов.

Затем последовало поступление в Московскую консерваторию, где он зарекомендовал себя очень хорошо в качестве музыковеда, и, как очень деятельный, инициативный человек, после её окончания стал работать ни много ни мало начальником Управления музыкальных учреждений России, то есть занял сразу же такой высокий пост. Когда началась война, его семья переезжает в Свердловск (ныне Екатеринбург), где произошло «рождение» Льва Львовича как фольклориста, причём не просто одного из многих, а крупнейшего специалиста в данной сфере. Наконец, пришло время, когда Саратовская консерватория пригласила его из Свердловска, чтобы он занял пост ректора. Таким образом Лев Львович уже навсегда вернулся на свою исконную малую родину.

О. А. Шубина. Но давайте вернёмся к тому моменту, когда он обрёл себя в ипостаси фольклориста. Хочу предоставить слово Елене Андреевне, поскольку она после окончания нашей консерватории многие годы тоже работала в Свердловске. Елена Андреевна, поделитесь воспоминаниями о том, как Вы туда попали и остались ли там «следы» Льва Львовича?

Е. А. Сапогова. Александр Иванович, я должна с Вами не совсем согласиться. Когда Вы говорите: «вот семья переехала» и т. п. Ведь это была необходимость. Льва Львовича послали на Урал создать во время Великой Отечественной войны хор, когда нашему народу было так тяжело, и, конечно, народная песня вдохновляла

людей, Победа-то была за нами! Поэтому Лев Львович и создал в 1943 году Уральский хор. Но, как говорят, всех нас посылает друг к другу Бог и ничего случайного в жизни не бывает. И, наверное, то, что в 1960 году меня взяли в Уральский хор, – не случайно. Льва Львовича уже там не было, он с семьёй в 1959 году переехал в Саратов, так как его жене не подходил уральский климат.

Когда я приехала в Свердловск, то совсем не знала, кто такой Лев Львович. В Уральском хоре я работала с 1960 по 1962 год. Тогда там всё напоминало о Льве Львовиче – музей, фотографии. Были ещё те люди, которых он первыми принимал в коллектив. Я была волжанка, из Ульяновской области. И, конечно, я произносила слова совсем не так, как на Урале. Хористы говорили: «Вот, если бы Лёну услышал Лев Львович, он бы её, конечно, не взял». Потому что я разговаривала напевно, всё на «о», и, помню, первые участники хора – Агриппина Феррапонтовна Завьялова, Августа Алексеевна Устюжанина, Анна Васильевна Петрова – всегда просили меня что-нибудь порассказать и при этом хохотали над моим произношением.

Но вот, опять же так должно было случиться, так уж Господь управил, – я приехала на комсомольскую стройку в Балаково и училась в 11 классе вечерней школы. Весной 1967 года, когда я закончила школу, состоялся конкурс, председателем которого был Лев Львович Христиансен. Такими путями меня к нему привело. Он меня послушал на конкурсе, а пела я песню «Волгоградская берёзка», которую исполняла Людмила Георгиевна Зыкина. Уж так я её трогательно пела, и сама плакала, чего не должно быть. Лев Львович через кого-то передал: «Вот эта девочка пусть придёт ко мне».

Помню 56 класс консерватории. Я пришла в этот класс, до сих пор ощущаю трепет – это было как чудо. Да и те тяжёлые двери консерватории – как будто двери в другой мир. Пришла. Сидит Лев Львович, на мой взгляд, он святой человек! Он тогда уже был весь седой. Его улыбка с ямочками! Говорит: «Ну, что будем петь?». Он просил меня петь те песни, которые я слышала в детстве. Вот так всё и началось. В 1967 году в консерватории открывалось первое экспериментальное отделение хормейстеров народного хора, и он мне предложил туда поступить. Я в мыслях такого даже не могла представить, что когда-нибудь смогу учиться в консерватории. Для меня это были трудные, но счастливые годы.

О. А. Шубина. Ирина Львовна, поскольку Вы были в более поздние годы после Елены Андреевны воспитанницей Льва Львовича, как Вы вспоминаете то время?

И. Л. Егорова. Наверное, я начну с того, что мы с Еленой Андреевной как бы замыкаем весь период работы Льва Львовича в консерватории на нашей кафедре. Елена Андреевна – первая ученица Льва Львовича, а я была последней выпускницей в его классе. И, выпустив наш курс, он уже в консерватории не работал. Я не менее счастливый человек, так как судьба подарила мне такое чудо общения с гением. И, действительно, он святой человек. И я такое же чувство испытывала. Как Вы, Елена Андреевна, говорите, – «трепет охватывал» от того, что ты стоишь перед таким человеком. Он как будто рентгеном тебя просвечивает, такой у него был острый взгляд. И начинаешь испытывать такое чувство, что он уже знает всё, на что ты способна.

Что касается его работы с хором, то здесь, наверное, нужно углубиться в биографию Льва Львовича. Вы совершенно справедливо заметили, Александр Иванович, что Льву Львовичу приходилось руководить и оркестром народных инструментов. Причём ещё до поступления в музыкальный техникум он руководил оркестром народных инструментов в Энгельсе, в клубе имени С. Халтурина. Будучи студентом музыкального техникума, он в составе комсомольской агитбригады ездил в летний период с концертами по сёлам Саратовской области. Студентами был создан небольшой ансамбль народных инструментов, где Лев Львович играл на балалайке. Надо сказать, что он обладал феноменальной музыкальной памятью. Услышав в одном из сёл частушки, которые произвели на него неизгладимое впечатление, он запомнил их и потом, спустя много лет, записал по памяти напев с аккомпанементом гармоника. Частушки уникальные – «с подсказкой» в оригинальном тексте.

Запевала: А на горе стоит машина...

Хор: Девчоночка...

Запевала: А двадцати пяти колёс.

Хор: Молоденька.

1-я подружка (говорком): Коса русая большая, в косе лента голубая.

Запевала: А коса русая большая...

Хор: Девчоночка...

Запевала: В косе лента голубая.

Хор: Молоденька!

2-я подружка (говорком): Комсомольские ребята понашили галифе!

Запевала: А комсомольские ребята...

Хор: Девчоночка...

Запевала: А понашили галифе!

Хор: Молоденька!

3-я подружка (говорком): Они ходят – зазнаются, беспартийными дразнят!

Запевала: Они ходят – зазнаются...

Хор: Девчоночка...

Запевала: А беспартийными дразнят!

Хор: Молоденька!

Лев Львович в те годы, конечно, относился к фольклору ещё достаточно индифферентно. Наверное, потому что народные песни звучали тогда везде как само собой разумеющееся. Христиансен в своих воспоминаниях делится тем, что в школе они с товарищами с энтузиазмом распевали комсомольские и революционные песни. Это им очень нравилось, соответствовало духу времени, эпоха такая была, 1920-е – начало 1930-х годов, шли бурные перемены в истории нашей страны. Лев Львович был запевалой в комсомольской группе. Он высоко оценивал историческое значение этих песен и даже считал, что жанры песен этого направления имеют календарную приуроченность. Почему? Да потому что их всегда пели 7 ноября на демонстрации в честь Октябрьской революции. В этом он видел своеобразное проявление обрядности: массовое шествие колоннами с пением революционных песен. Здесь и атрибуты соответствующие имели место: плакаты, транспаранты, портреты вождей, с трибуны провозглашали лозунги, и всеобщими криками «Ура!» люди выражали свою солидарность. Это ведь тоже своего рода обрядность, но только иного, социалистического толка.

А вот как он пришёл к работе с традиционным песенным фольклором, об этом свидетельствовал он сам и его дочери – Лидия Львовна и Мария Львовна Христиансен. В своих воспоминаниях они отмечают, что это был путь к призванию. Действительно, заниматься фольклором он стал вначале по долгу службы. В 1942 году его с женой и маленькой дочкой эвакуируют из Москвы, направляют на Урал вместе с группой музыкантов, среди которых были композиторы, исполнители, педагоги Московской консерватории. В Свердловске он получает назначение на должность художественного руководителя филармонии, параллельно преподаёт в Уральской консерватории. В этом же году Советским правительством был издан указ о повышении патриотического духа населения. В связи с этим в Свердловске должны были организовать народный хор, симфонический оркестр и академическую хоровую капеллу филармонии – эта задача была поставлена перед художественным руководителем.

Среди эвакуированных и местных музыкантов Лев Львович быстро нашёл артистов для этих коллективов, а вот с народным хором – проблема. Тогда в России было всего несколько хоров такого рода: хор имени Пятницкого в Москве, Северный русский народный хор в Архангельске, а также бывший хор Яркова в Москве, позднее ставший Хором русской песни Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Профессиональных, государственных коллективов тогда больше не было. И Лев Львович, музыковед-историк, с головой окунулся в эту стихию.

Он долго искал руководителя для Уральского хора. Но время шло, приказ нужно было выполнить в срок. Не найдя кандидатуру на эту должность, он берётся за дело сам. Нельзя забывать, в каких трудных условиях происходил процесс организации коллектива и формирования репертуара. Шла война. Ни о какой аппаратуре и речи не было. Карандаш, бумага – и те на вес золота. И тем не менее благодаря фундаментальному музыкальному образованию и высокому профессионализму, незаурядному таланту организатора и уникальной музыкальной одарённости Лев Львович смог выполнить поставленные перед ним задачи. Тогда же он начал искать и записывать песни от хороших певцов. В то время ещё жили представители традиционных региональных школ народного пения – артистичные, талантливые мастера, владевшие искусством импровизации и распева на подголоски. Лев Львович разработал систему слуховой записи многоголосных песен и благодаря этому зафиксировал сложнейшие по фактуре и изумительные по красоте мелодии и поэтического содержания песни разных жанров.

Е. А. Сапогова. Именно об этом Лев Львович пишет в своей книге «Встречи с народными певцами».

И. Л. Егорова. Да, это удивительная, редчайшая книга, написанная с удивительной любовью. Она должна быть настольной книгой каждого фольклориста. Лев Львович начал изучать историю Урала, историю переселения северных великороссов из европейской части России на Урал. Изучал традиции, непосредственно беседуя с певцами. Он очень тесно сотрудничал с Домом народного творчества, который его направлял, зная, где и какие есть коллективы и мастера пения. За 17 лет руководства Уральским хором им было записано на Урале около 2000 песен. Надо сказать, что ему принадлежит первенство в освоении и исследовании песенного фольклора этого региона.

В Свердловске Лев Львович совмещал сразу три должности: продолжал быть художественным руководителем филармонии, работал в Уральской консерватории как педагог, музыковед и заведующий кафедрой истории музыки и руководил Уральским народным хором. Неординарность мышления и талант организатора Льва Львовича сыграли колоссальную роль на первом этапе становления хорового коллектива. И представьте себе, какова была сила убеждения Льва Львовича, когда он, беседуя с певцами, пробуждал в них осознание высокого художественного значения народной культуры, народного творчества и народной песни. Говорил о силе её воздействия на слушателей и на самих исполнителей, и вообще на само окружение, нуждающееся в поднятии духовно-патриотических чувств. Наверное, это были самые главные аргументы, ради чего они бросали насиженные места, а ведь село – это не город, там проще было выжить во время войны. У каждого было хоть какое-то хозяйство. Но великая сила искусства брала верх над обыденным.

О. А. Шубина. Итак, Вы, Елена Андреевна, стали его первой ученицей, и Вы, Ирина Львовна, последней ученицей, – ведь педагогика была необычайно важной ипостасью Льва Львовича и в этом отношении он являлся величиной совершенно неординарной. Александр Иванович, в чём, на Ваш взгляд, проявилась эта неординарность?

А. И. Демченко. Прежде всего позволю себе несколько слов в отношении двух моментов: педагогика, касающаяся фольклористики как таковой, и то необыкновенное дело, произошедшее в 1967 году, о котором Вы упомянули, Елена Андреевна, и в котором Лев Львович оказался главным двигателем. В своё время мы со Львом Львовичем обсуждали это неоднократно и об этом к юбилею Льва Львовича в 1980 году в журнале «Советская музыка» я опубликовал специальный материал.

Имеется в виду учреждение в консерваториях отделений, занимающихся подготовкой кадров народных хормейстеров. Когда я занимался материалами по истории Саратовской консерватории, натолкнулся на один знаменательный факт. Александр Михайлович Листопадов – легендарная фигура в фольклористике, он работал в Саратове с 1912 года, с момента создания консерватории, и в том числе руководил хоровым классом, а на Волге записывал бурлацкие песни. Позднее, как известно, он стал виднейшим собирателем казачьего донского фольклора.

Но что любопытно, Александр Михайлович в 1919 году, будучи в Саратове, выдвинул идею организации в консерватории отделения народного пения. И вот, разговаривая со Львом Львовичем, я сказал ему об этом. Он ответил: «Вы знаете, я услышал об этой идее, когда стал учиться в музыкальном техникуме, и, наверное, подсознательно это запало мне в голову». И когда он уже работал в Уральской консерватории, а потом в Саратове, эта мысль начала обретать реальные контуры.

Получается так: существует огромный пласт народной культуры, однако он не имеет для себя серьёзной образовательной почвы, потому что не только в консерваториях, но и в музыкальных училищах этим никогда не занимались. И в 1960-е годы об этой проблеме заговорил с высоты своего положения выдающийся хоровой дирижёр Александр Александрович Юрлов. Вот они как бы сами по себе – рождаются, уходят и прочее, прочее. И на этой почве, как мы помним с вами, в 1967 году и в Саратовской консерватории, и в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных в Москве (ныне Российская академия музыки) данная идея была претворена в жизнь. Основным идеологом и разработчиком концепции такого образования был Лев Львович. А впоследствии это начинание разошлось по всей России.

И. Л. Егорова. Что касается Льва Львовича как педагога, то эту деятельность он начал ещё в Москве после окончания консерватории, но по-настоящему приобщился к ней в Уральской консерватории, работая с музыковедами и композиторами. Он ездил с ними в экспедиции записывать фольклор, а расшифрованные записи они использовали в своих сочинениях. В его классе занимались такие композиторы, как Бибирган, Топорков, Кесарева. Результатом этого стали сборники, которые были подготовлены уже в Саратове в 60-х годах XX столетия и тогда же изданы.

В 1963 году на вокальную кафедру поступает девушка из Кабардино-Балкарии – Людмила Кульбаева. Лев Львович, будучи ректором, имел привычку беседовать с каждым абитуриентом, на какой бы факультет тот ни поступал. И когда эту девушку, обладающую специфическим, уникальным вокальным даром, отвергли академические педагоги, потому что она совершенно не соответствовала академической манере пения, Лев Львович предпринимает весьма неординарный шаг – он едет в Москву, в Министерство культуры, и добивается в экспериментальном порядке открыть для неё специальность «Песни народов мира» (прототипом послужило творчество знаменитой Ирмы Яунзем). Лев Львович разрабатывает индивидуальный учебный план и программу обучения этой певицы, соответствующий комплекс специальных предметов и все их ведёт сам.

Таким образом, уже за четыре года до открытия отделения народных хормейстеров Лев Львович начал преподавательскую деятельность подобного рода. Этот эпизод подтолкнул его к открытию новой музыкальной специальности отделения. Тем более что профессиональные народные хоры того времени находились в творческом кризисе. Они во многом переставали петь подлинный фольклор – без его композиторской обработки и без аккомпанемента, а репертуар руководители хоров начали составлять из авторских песен, которые далеко не всегда отвечали высокохудожественным эстетическим требованиям подлинной культуры народного пения.

О. А. Шубина. Елена Андреевна, поскольку Ваша жизнь была посвящена реальной практике подлинного народного исполнительства, которое Вы реализуете в его многочисленных разновидностях, то хотелось бы услышать, как основные принципы подлинности фольклора удавалось развивать после ухода Льва Львовича из жизни?

Е. А. Сапогова. Говорить, что Лев Львович занимался только традиционным фольклором, наверное, нельзя, потому что, когда я уехала работать в филармонию в Свердловск, он вдогонку мне в письмах писал: «Лена, не ограничивайте себя только фольклором, современность тоже нужна». И ещё он говорил: «Вот смотри, почему Людмила Георгиевна Зыкина стала такой знаменитой и выдающейся? Потому что она наряду с традицией поёт и очень много современного, что близко современному человеку». Лев Львович был удивительный человек. И вот, казалось бы, гитарные песни. Когда я ещё училась, он очень близко дружил с Татьяной и Сергеем Никитиными, Юрием Визбором, Новеллой Матвеевой. Ведь у наших бардов не пение как таковое, а напевание. Или, например, он спрашивал: «Как вы поёте колыбельные своим маленьким детям? Вот так надо напевать и народные песни». Он тоже был в поиске. Допустим, когда я работала в филармонии, Лев Львович говорил, что я обязательно должна сотрудничать и с консерваторией, и с композиторами, и с поэтами. У меня сохранились письма моего учителя, они как будто написаны сегодня. К тому же Лев Львович был прекрасным оратором. Студенты, обучаясь в консерватории, проходили политзанятия, как правило, в Большом зале, и когда их вёл Лев Львович, зал был полон и его слушали с замиранием сердца.

Он был подлинным патриотом! Помню, в 80-е годы Лев Львович ездил в Берлин на Конгресс демократической молодёжи мира и выступал там с докладом. Делая заметки, он писал: «Я читал на немецком языке, а вечером, когда собралась вся творческая молодёжь, каждая делегация пела свои родные песни и меня тоже пригласили на сцену. Когда я запел записанную мной в Алапаевске песню “Волга-матушка”, то зал – замер, а у меня холодок пошёл по спине. Вот такая была тишина. И когда я кончил петь, то зал разразился таким громом аплодисментов, что я такого никогда ещё не ощущал».

В книге «Встречи с народными певцами» Лев Львович рассказывает о том, как он стал петь народные песни: «Была репетиция в клубе, и внезапно погас свет, в полной темноте хор запел, и я с ними запел, и вдруг понял, что пою по-народному». Одно дело теоретически понимать, а когда уж сам на практике поёшь – это совсем другое. И поэтому мы счастливы, что у нас был такой наставник... Почему был? Он и есть! Прошло уже много лет, а мы всё время задаём себе вопросы: так или не так? А что бы Лев Львович подумал, сказал?

А. И. Демченко. К сказанному Еленой Андреевной хочу присоединить одну деталь. Когда я готовил юбилейный материал для журнала, мы встречались несколько раз у него на квартире. И вот что поразило меня. Лев Львович многократно то голосом, то подойдёт к музыкальному инструменту (у него стоял рояль) – начинает наигрывать, а я думал: какие счастливые его ученики, потому что в его воспроизведении фольклора такая органика, такая свобода, такой огромный горизонт владения народным творчеством – и всё это он держит в памяти, и как великолепно сам всё интонирует! Я тогда был поражён и просто разводил руками от восторга.

До сих пор мы говорили о нём как о практике, но ведь Лев Львович был и крупнейшим учёным. Многие знают его бесценную книгу «Ладовая интонационность русской народной песни» – это его монументальный труд, в связи с которым вспоминаю свою встречу с нашим крупнейшим авторитетом – Юрием Николаевичем Тюлиным. Это было незадолго до его кончины. Мы увиделись с ним в Москве. Он узнал, что я из Саратова, и начался разговор об этой книге. Дело в том, что Юрий Николаевич рецензировал её и у него были определённые критические замечания. И вдруг он говорит: «Передайте Льву Львовичу, что я во многом был неправ, прав он!». То есть позже, уже заново осмысливая работу, он осознал, что именно Лев Львович, который непосредственно владеет народно-песенным материалом, стоит, можно сказать, на самой фольклорной почве, в конечном счёте ближе к сути рассматриваемой проблематики, чем «чистый» теоретик.

И. Л. Егорова. И в самой рецензии Юрия Николаевича Тюлина есть одна показательная фраза: «Кто знает? Может быть, так и нужно анализировать музыку». А в целом он и тогда дал очень высокую оценку научной концепции и фундаментальному исследованию Льва Львовича.

А. И. Демченко. Добавлю и следующее. Лев Львович по меньшей мере четырежды выезжал на международные конгрессы, и мы гордились, что никто тогда из Саратовской консерватории не пользовался международной известностью и таким влиянием на зарубежное музыкознание и фольклористику не обладал.

О. А. Шубина. Ирина Львовна, поскольку Вы занимались теоретическим наследием Льва Львовича самым капитальным образом, просим вкратце сказать о его ключевых моментах.

И. Л. Егорова. Я не зря упомянула, что Лев Львович – гений! Я не знаю ни одного руководителя профессионального народного хора, который бы научно пытался осмыслить процессы, происходящие в народной культуре. И не только процессы народного творчества, процессы репродуктивного исполнительства, то есть процессы профессионального творчества, педагогического творчества, – это всё и было, с научной точки зрения, осмыслено, обосновано и утверждено как парадигма, целостный комплекс. Вот то, чем он занимался, именно научное всеобъемлющее осмысление, – оно касается всех сфер народной культуры: аутентичная культура, обучение, создание новых произведений на современном этапе, процесс их фольклоризации. Вообще Лев Львович – философ от музыки, философ этномузыкологии. Все его научные выводы базируются на законах философии науки. И то, что он обосновал теорию не просто народного исполнительства, а теорию народного песенного творчества как такового. А его концепция единства слов и музыки на основе их общей идеи – это ключ к познанию проблемы музыкального мышления народных певцов.

Ведь на чём строится концепция связи поэтического текста и напева в современной этномузыкологии? На ритмической координации стиха и напева. Лев Львович считал это формальным подходом к анализу песни, а то, что он обосновал, – это универсально. Он черпал знания из недр самого процесса народного творчества и сравнивал этот процесс с «варкой стали», когда шлак поднимается вверх и всё это пеной уходит, а самое ценное остаётся на века как прочная основа культуры.

В книге «Ладовая интонационность русской народной песни» он рассматривает и обосновывает характерные признаки становления художественного образно-смыслового начала в народном песенном творчестве. Хотя на самом деле он открыл законы, объективно действующие в аутентичном исполнительстве. Уже спустя много лет после окончания консерватории, занимаясь исследованием песенного фольклора в контексте исполнительства, я поняла, что Лев Львович открыл именно законы смысловой связи напева и текста, законы корреляции музыкального и вербального начал в народной песенности.

Первый закон – закон несинхронного развития напева и поэтического текста. Это прорыв в понимании народной песни как явления культуры и творчества. Здесь идёт речь о единстве идейного замысла, о том, что идея по-разному воплощается в процессе исполнения песни: в напеве – обобщённо-абстрактно, а в поэтическом тексте последовательно развёртывается по законам драматургии, где есть завязка, развитие и развязка. Поэтому в начальных строфах песни между характером звучания мелодии и содержанием поэтических строк может возникать временное смысловое противоречие. И только в конце песни, иногда в заключительной строфе, наступает развязка сюжетной драматургии, которая и приводит к смысловому единству текста и напева с закодированной в их содержании идеей.

Второй закон – он тоже, можно сказать, как «бомба», «взрывает» недра познания сути песенного искусства и позволяет по-новому взглянуть на проблемы музыкального мышления – это закон смысловых ассоциаций в народном музыкально-поэтическом творчестве. Лев Львович понял и обосновал то, что логика взаимодействия и развития всего комплекса выразительных средств музыкального языка напева ассоциируется

с логикой действий, поступков или намерений либо развития мысли и образа, раскрывающихся в поэтическом тексте. То есть логика музыкального содержания ассоциируется с логикой содержания поэтического.

Третий закон – это закон контекста исполнения. Здесь Лев Львович привлекает выдающееся достижение Константина Сергеевича Станиславского – это законы предлагаемых обстоятельств исполнения. Здесь выделяется множество аспектов (малый круг обстоятельств, средний круг обстоятельств, большой круг обстоятельств), но все они относятся к закону контекста исполнения и все они действуют одновременно. И проявиться они могут только в процессе исполнения. В аутентичной среде песни всегда исполнялись по определённому случаю. Сами обстоятельства, возникающие в жизни людей, вызвали необходимость исполнения подходящей или конкретной обрядовой песни. Современным певцам необходимо изучать и погружаться в воображаемые события и контекст сюжета песни. Но и музыку обойти вниманием нельзя. Нужно научиться расшифровывать язык музыки и контекстный язык сюжета в поэтическом тексте. Это сложнейшие вещи, но это и философия. Лев Львович говорил: «Музыка – руководитель действия. Необходимо уметь идти точно за мелодией, точно разобрать её, иначе песня отомстит».

Научная концепция и методология Льва Львовича универсальны. А предложенный им метод целостного интонационно-смыслового анализа уникален. Можно найти много сфер исследования песенного фольклора, где этот метод был применим. Он идеально работает в исследованиях с точки зрения лингвистики, с точки зрения феноменологии и антологии, и даже когнитологии, не говоря уже об искусствоведении. Все эти направления науки очень хорошо коррелируют с исследовательским методом, обоснованным Львом Львовичем. И что удивительно, когда применяешь на практике его методологию, опираясь на открытые им законы корреляции музыки и текста песни, то происходит глубокое погружение в ту «правду» песни, о которой Лев Львович неустанно нам говорил. Совершенно по-другому начинают звучать народные песни и в ансамбле, и в хоре, и в сольном исполнении. Исполнители поют не формально, выражение лица меняется. Песня становится живой.

О. А. Шубина. Елена Андреевна, то, о чём сказала Ирина Львовна касательно исследований Льва Львовича, Вы в своём исполнительском искусстве как-то ощущаете?

Е. А. Сапогова. Лев Львович, когда я работала в филармонии, писал: «Теорией пусть занимаются теоретики, Вы должны учиться у народа выразительному, душевному исполнению, интонации», то есть тому, чем богато само народное творчество. И Лев Львович, знал, конечно, что мне не быть ни теоретиком, ни даже хормейстером, а только – исполнителем.

И. Л. Егорова. Вы из народа! С детства испытали и усвоили те основы и ту интонационную природу, о которой все труды Льва Львовича – и практические, и методические, и исследованная им ладовая интонационность именно об этом. Он всегда стремился раскрыть в песне правду. Песня есть правда. И она во всём должна проявляться: и в манере пения, и в интонации, и в чувствах, и в мыслях. К этому он призывал, и теорию он создал ради этого – чтобы понять, что человек ощущает, что чувствует, то есть его занимал вопрос народного музыкального мышления, музыкально-образного мышления. Вот это была загадка загадок, и к её решению он всегда стремился. А Вы, Елена Андреевна, очень тонко проникаете в ту правду, Вы её подаёте в своём исполнительском искусстве.

Е. А. Сапогова. Если это и так, то только интуитивно.

И. Л. Егорова. И всегда очень искренне, а ведь народные певцы, те, от которых Лев Львович записывал напевы, тоже теорией не владели, они же чувства выражали, и выражали их искренне. Эту школу устного творчества они воспринимали из недр своего окружения. Поэтому я думаю, что Лев Львович был тысячу раз прав в своей деятельности и в том направлении, по которому он Вас вёл. И ещё один момент, который Лев Львович всегда подчёркивал: «Ищите талантливого певца, и вы найдёте хорошие песни». Вот Вы, Елена Андреевна, – подлинный талант! Не зря же он Вас на том смотре художественной самодеятельности отметил из всех. Помню, он говорил: «Мне не надо Лену учить любить народную песню». Вот самое главное.

О. А. Шубина. Теперь попробуем подвести итог нашему разговору. Из ваших уст прозвучали очень высокие эпитеты в адрес выдающегося мэтра народного искусства. Вы отметили некоторые знаменательные моменты его жизненной судьбы, его вклада и в теорию, и в практику – в то, что связано с народным творчеством. Что хотелось бы добавить в завершение?

Е. А. Сапогова. Ещё о самом главном, наверное, чего, на мой взгляд, мы не сказали. Дело Льва Львовича живёт, сейчас фольклорные отделения создаются даже при музыкальных школах, и в Саратове есть музыкальная школа имени Льва Львовича Христиансена. Проходят смотры, фестивали, концерты, посвящённые ему. Народная песня – дело Льва Львовича – живёт, и поэтому Лев Львович жив, он с нами, мы сверяем свои дела с его мыслями.

И. Л. Егорова. Дай Бог, чтобы наши ученики восприняли эту эстафету. Совсем недавно узнала продолжение афоризма «Песня – душа народа». Его автор – драматург Александр Николаевич Островский: «Песня – душа народа. Забудешь песню – убьёшь душу!».

А. И. Демченко. Думаю, что и Лев Львович подписался бы под этими словами. Мы шлём ему наше почтение, своё преклонение перед ним, потому что, когда вспоминаешь большие имена нашей культуры, понимаешь, что он находится в их почётном ряду. И очень важно то, что на нынешней стадии жизни нашего Отечества, когда мы находимся в очень непростой исторической обстановке, когда так необходимо утверждать свою национальную самоидентификацию и укреплять устои русской цивилизации, включая такую её драгоценность, как наш фольклор, мы вспоминаем, что Лев Львович отдал ему свою жизнь, и в этом отношении он остаётся для нас светочем.

Информация об авторах | Author information**RU****Шубина Ольга Анатольевна¹**, к. иск.¹ Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова**EN****Olga Anatolevna Shubina¹**, PhD¹ Saratov State Conservatoire¹ osha63@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 07.02.2025; опубликовано online (published online): 12.03.2025.

Ключевые слова (keywords): Л. Л. Христиансен; Саратовская консерватория; традиционный песенный фольклор; подготовка хормейстеров народного хора; этномузыкология; L. L. Khristiansen; Saratov Conservatoire; traditional song folklore; training of folk choir conductors; ethnomusicology.